

Horse Theft in the Urals in the 1730s

Elena V. Borodina

Institute of History and Archaeology, the Ural Branch of RAS. Yekaterinburg, Russia.
Email: [sosnovi-bor\[at\]yandex.ru](mailto:sosnovi-bor[at]yandex.ru)

Received: 31 August 2021 | Revised: 14 June 2022 | Accepted: 26 June 2022

Abstract

The article is devoted to the problem of horse theft in the Urals in the 1730s. The main reason for this situation should be called the paucity of information about horse thieves, presented in the documents of the court and the investigation, which allow reconstructing the criminal world of early modern Russia. The author drew attention to the peculiarities of the region under study, which was a transit zone between the European and Asian parts of the Russian Empire and a major industrial center of the country. These features determined the special importance of horses not only in agriculture, but also in industrial production as a means of transporting goods and maintaining communication between the capital and the periphery. Analysis of the books of minutes of the Yekaterinburg Office of Judicial and Executive Affairs for the second half of the 1730s led to the conclusion that horse theft was widespread in the region. Most of those accused of stealing horses were residents who sought to escape from the difficult conditions of life in the Ural factories. At the same time, these sources allow us to conclude that there existed groups of horse thieves in the first third of the 18th c. in Russia, engaged in this business on a regular basis. Their thieving practices were similar to the activities of the organized groups of horse thieves in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries.

Keywords

History of Russia; the 18th Century; the History of State and Law; the Cathedral Code of 1649; the Urals; Yekaterinburg; the Yekaterinburg Office of Judicial and Executive Affairs; Crime; Organized Crime; Horse Theft

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Конное воровство на Урале в 1730-е гг.

Бородина Елена Васильевна

Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, Россия.

Email: [sosnovi-bor\[at\]yandex.ru](mailto:sosnovi-bor[at]yandex.ru)

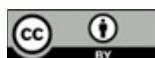
Рукопись получена: 31 августа 2021 | Пересмотрена: 14 июня 2022 | Принята: 26 июня 2022

Аннотация

Статья посвящена проблеме конокрадства на Урале в 1730-е гг. Этот вопрос получил широкое освещение на материалах второй половины XIX – начала XX в., но исследования по истории конного воровства в более ранние периоды истории России до сих пор являются единичными. Основной причиной данной ситуации следует назвать скудость сведений о конокрадах, представленных в документах суда и следствия, позволяющих реконструировать криминальный мир России раннего нового времени. Автор обратил внимание на особенности изучаемого региона, который являлся зоной транзита между европейской и азиатской частями Российской империи и был крупным индустриальным центром страны. Эти особенности предопределили особое значение лошадей не только в сельском хозяйстве, но и в промышленном производстве как средства для перевозки грузов и поддержания коммуникации между столицей и периферией. Анализ книг протоколов Екатеринбургской конторы судных дел за вторую половину 1730-х гг. позволил прийти к выводу, что конное воровство было широко распространено в регионе. Большинство обвиняемых в краже лошадей являлись местными жителями, которые стремились сбежать от непростых условий жизни на уральских заводах. В то же время данные источников позволяют заключить, что уже в первой трети XVIII в. в России появляются группы конных воров, занимавшихся данным промыслом на регулярной основе. Их воровские практики были сходны с деятельностью организованных групп конокрадов в России второй половины XIX – начала XX в.

Ключевые слова

история России; XVIII век; история государства и права; Соборное уложение 1649 г.; Урал; Екатеринбург; Екатеринбургская контора судных и земских дел; преступление; организованная преступность; конокрадство

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Как и в других регионах Европы, одним из самых тяжелых преступлений в Древней Руси считалось воровство лошадей (Stuart, 1782, p. 163). В соответствии с Пространной редакцией Русской Правды, конное воровство каралось «потоком и разграблением» (Русская Правда, 1984, с. 66, 96). В.О. Ключевский считал, что наказание за конокрадство было самой тяжелой карой, не сравнимой даже с наказанием за убийство (Ключевский, 1908, с. 299). В законодательных памятниках более позднего времени конокрадство практически не выделялось в качестве отдельного вида преступления, а наказание за его совершение было примерно таким же, как за воровство в церкви, поджог или кражу, совершенную в посаде в третий раз (Ахмедов, 2016b, с. 10).

Для некоторых регионов нашей страны проблема конокрадства остается актуальной и в настоящее время (Галиева, 2017, с. 181, 187–190; Конокрады, отдававшие лошадей для забоя на мясо, осуждены в Омской области, 2018; Галиева, 2019, с. 13; В Хакасии сотрудники полиции задержали конокрадов, 2019; В Волгоградской области задержали трех предполагаемых конокрадов, 2019). Случаи конокрадства привлекают не только журналистов и писателей. Исследователи, работающие в поле социальных и гуманитарных наук, также часто обращают внимание на данную тему, пытаясь выяснить причины конокрадства как социального явления.

Во многих случаях это правонарушение рассматривается в исторической ретроспективе. В научных трудах, посвященных данной проблематике, обычно дается общая характеристика конокрадства на разных этапах развития Российского государства, сравниваются методы борьбы с конокрадством (Галиева, 2017; Галиева, 2019). Несмотря на это, в изучении темы существуют лакуны.

Сопоставление массивов историографии, посвященной истории конокрадства, показывает, что в наибольшей степени данная проблематика изучена на примере XIX – начала XX в. Статьи и монографии, так или иначе связанные с историей конокрадства этого периода, обращаются, во-первых, к характеристике органов власти и роли государства в борьбе с конокрадами (Ахмедов, 2016a; Ахмедов, 2016b; Данчевская, 2020). Во-вторых, в них описывается отношение к конокрадству в среде крестьянства, дается всесторонний анализ норм обычного права, применявшихся при наказании конных воров в деревне (Лаппо, 1905; Worobec, 1987; Hoch, 1989; Безгин, 2013; Федоров, 2013; Федоров, 2014). В-третьих, дается анализ криминальной ситуации и состава преступников Российской империи (Максимов, б.д.).

Данная историографическая ситуация обусловлена более пристальным вниманием со стороны государства и общества к проблеме конокрадства и состоянию поголовья скота в Российской империи, начиная с середины XIX в. Оно выразилось в периодическом проведении конских и военно-конских переписей, данные которых подвергались всестороннему анализу (Конская

перепись 1882 года, 1884; Дубенский, 1891). Кроме того, к концу XIX – началу XX в. относится начало публикации результатов этнографического описания крестьян Центральной России. Происходит активное обсуждение правовых обычаев крестьянских сообществ (Тенишев, 1907).

В качестве источниковой базы своих исследований ученые XIX – начала XXI в. использовали материалы этнографических наблюдений, публицистику, данные статистики и законодательные акты. Без сомнения, такое комплексное использование источников позволяет провести наиболее полную реконструкцию практик кражи лошадей и преследования конных воров. Тем не менее, преимущественная ограниченность одним временным отрезком не позволяет выявить основные тенденции развития этих практик на разных этапах российской истории, понять, как менялось отношение государства и общества к данной проблеме. Представляется, что введение в оборот новых источниковых комплексов и изменение хронологических рамок исследования позволит выявить сходства и различия в деятельности конокрадов на разных этапах существования Российского государства, понять, для каких территорий страны этот вид преступлений являлся преобладающим.

По данным статистики за 1888 г., конокрадство было наиболее распространено в приграничных регионах и на окраинных территориях европейской части Российской империи (Дубенский, с. 210). Именно они отличались большей подвижностью населения. Эта тенденция проявилась и на ранних этапах существования Московского государства. В частности, русско-шведское пограничье в начале XVII в. также отличалось активностью конокрадов (Селин, 2016, с. 551–559; Чепель, 2014). Дальнейшие сбор и обработка источниковых материалов позволят существенно дополнить уже имеющиеся сведения данными о конокрадстве на разных территориях в различные исторические периоды, выявить зоны, которые на протяжении длительных отрезков времени в наибольшей степени страдали от этого правонарушения.

В центре внимания данной статьи – конное воровство на Урале в 1730-е гг. Хронологическими рамками исследования стало время правления императрицы Анны Иоанновны, которое можно охарактеризовать как период, когда происходила дальнейшая адаптация нововведений первой четверти XVIII в. В течение первой трети XVIII в. складываются условия, которые позволили западной части «Сибири» постепенно превратиться в самостоятельный регион. Урал становится, с одной стороны, крупным индустриальным центром, с другой, – зоной транзита между европейской и азиатской частями страны, через которую происходило дальнейшее освоение Сибири и Дальнего Востока.

Цель исследования – выяснить, какую роль играло «конное воровство» на этой территории. Чтобы ответить на этот вопрос, следует, во-первых, разобраться, какую роль играло государство при контроле над перемещением крупного скота в России раннего Нового времени, и понять, какие механизмы контроля над лошадьми использовались; во-вторых, определить, каковы были

причины и особенности совершения такого правонарушения на Урале в 1730-е гг.

Купля-продажа и обмен лошадьми в России раннего Нового времени

Как отмечено выше, уже в Средневековой Руси государство стремится установить наказание за конокрадство, соответствующее значению лошади в жизни человека того времени. Развитие русского права привело к постановке этого преступления в один ряд с некоторыми другими уголовными правонарушениями. Несмотря на практически полное исключение наказания за конное воровство как самостоятельный вид преступления из норм законодательных актов в России раннего Нового времени, лошади продолжали играть большую роль в жизни общества. Они являлись основным средством передвижения и тягловой силой, были важны в сельском хозяйстве и военном деле.

Именно по этой причине государство стремилось создать механизмы контроля над перемещением конского поголовья. Соборное уложение 1649 г. содержит несколько статей, касающихся лошадей. «Пункты» 52 и 53 XXI главы «О розбойных и татинных делех» устанавливали правило обязательной регистрации лошадей при покупке с описанием «в шерсть, и в лета, и в приметы». Исключением являлось приобретение лошадей «без записки» служилыми людьми, которые, будучи в военном походе («на государевой службе»), не всегда могли оформить документы на сделку (Соборное уложение 1649 г., 1985, с. 238–239).

Лошади являлись ценным товаром в России XVII–XVIII вв. Об этом наряду с законодательством свидетельствуют конские таможенные книги, самые ранние из сохранившихся экземпляров которых датируются началом XVII в. (Селин, 2017, с. 105–106; Раздорский, 2012, с. 168–169). Этот вид источников был тщательно проанализирован А.И. Раздорским и поделен им на две группы: собственно конские таможенные книги и разделы общих таможенных книг, которые обычно именуется «конскими книгами», «лошадиными книгами» или «книгами лошадиной записки». Наряду с приметами лошади в них указывались участники сделки, а также дата ее совершения. В XVIII в. число самостоятельных конских таможенных книг возросло, что, на наш взгляд, говорит об увеличении их роли в учете лошадей. Прекращение составления товарных таможенных книг не привело к ликвидации практики работы над конскими таможенными книгами. Ведение конских таможенных книг продолжалось до начала 1770-х гг. (Раздорский, 2012, с. 168–170).

Попытки регулирования обмена и купли-продажи лошадей не позволили избежать их воровства. Конокрадство оставалось одним из самых распространенных преступлений как до, так и после принятия Соборного уложения. Об этом ярко свидетельствуют документальные источники XVII в., отложив-

шиеся в результате деятельности государственных учреждений, функционировавших в приграничных территориях (Селин, 2016, сс. 551–559; Чепель, 2014), и материалы делопроизводства органов суда и управления регионов, удаленных от центра страны. Данные о количестве судебных дел, возбужденных по челобитью в Кунгурском уезде и Каменском дистрикте за 1722 г., свидетельствуют, что примерно 20% от всех выявленных случаев (19 и 22,3% соответственно) были делами о конном воровстве (Бородина, 2012, с. 238).

На наш взгляд, одной из причин большого количества преступлений, связанных с лошадьми, было нежелание участников сделок платить пошлины за их регистрацию. В начале XVIII в. требования к обмену и покупке лошадей были ужесточены (Раздорский, 2012, с. 171–172). Добросовестность владельцев животных следовало подтверждать поручителям. При регистрации сделки происходила ее запись в книгу мены или книгу купли-продажи. На основе этой записи выдавался ярлык (ГАСО, 1735b, лл. 56–57; ГАСО, 1736b, лл. 14–14об.).

Изучение документов суда и следствия показало, что поиск поручителей для многих продавцов и покупателей не был легкой задачей. Люди не стремились выступать в этой роли, так как поручительство было сопряжено с обязательствами по обеспечению процедуры заключения сделки. Во многих случаях невозможность регистрации купли-продажи или обмена лошадей была связана с удаленностью места жительства продавцов и покупателей от конской площадки – места фиксации передачи животного от одного человека другому – и покупкой в рассрочку (ГАСО, 1740b, л. 95об.).

Так, например, в январе 1739 г. в Екатеринбургской конторе судных и земских дел слушалось дело об украденной лошади затынщика Ивана Юрьева. И. Юрьев опознал лошадь у крестьянина Теченской слободы Антона Петрова. Тот, в свою очередь, доказывал, что приобрел коня на законных основаниях у крестьянина Лариона Ермолаева, совершив сделку при свидетелях в декабре 1737 г. Покупка не была зарегистрирована на конской площадке, так как А. Петров смог отдать лишь полтора рубля из трех, в которые была оценена лошадь. По словам ответчика, представление лошади на конской площадке предполагалось сделать после уплаты всей суммы (ГАСО, 1739, л. 27). Таким образом, животное попало к А. Петрову при сомнительных обстоятельствах, а свидетели заключения соглашения не могли спасти его от судебного разбирательства.

Кроме того, многие не хотели платить достаточно высокие пошлины (ГАСО, 1739, лл. 255об., 279–280). Их возможно было взыскать только в случае привлечения поручителей, которые гарантировали, что нарушители выплатят штраф и шерстные деньги после вынесения обвинительного приговора и выпуска ответчиков из тюрьмы. Так было, например, с жителем Ревдинского завода отставным драгуном Василием Старковым и крестьянином Тамакульской слободы Семеном Соловьевым (ГАСО, 1739, л. 101об.).

Некоторые участники сделки скрывались от правосудия, поэтому не желали регистрировать сделку. Так произошло с крестьянином Камышловской слободы Яковом Заводсковым, его пасынком Савой и тюремным сидельцем Иваном Поповым (он же Чесноков), которые украли деньги и имущество у крестьянина Федора Шелегина на сумму 263 рубля 10 копеек. Несмотря на то, что у воров были деньги, они не могли прийти на конскую площадку. Это грозило им разоблачением (ГАСО, 1739, лл. 193–194).

Невозможность наладить должный контроль над куплей-продажей и обменом лошадей оставляла лазейки для перепродажи и обмена украденных животных (ГАСО, 1739, лл. 38, 72). В документах делопроизводства описываются ситуации, когда покупатели приобретали «заведомо воровских» лошадей (ГАСО, 1739, лл. 253–253об.). Продавцы часто хитрили, обещая зарегистрировать сделку без покупателя. Неоднократно встречаются случаи, когда в качестве поручителей выступали люди, не имевшие представления о происхождении коня и не знакомые близко с участниками сделки. Ссылка на незавершенность регистрации на конской площадке была частой отговоркой конных воров, которая позволяла потянуть время досудебного расследования (ГАСО, 1739, лл. 37–37об.). Кроме того, многие лошади не регистрировались в официальных структурах, так как были доморощенными, могли быть получены в дар или переданы по наследству (ГАСО, 1739, лл. 57об.–58). Незавершенность законодательства создавала благоприятные условия для конокрадов.

Особенности конного воровства на Урале в 1730-е гг.

Как и в период реформ Петра I, Урал 1730-х гг. представлял собой территорию с развивающейся промышленностью, которая стала плацдармом для создания индустрии на востоке страны. Кроме того, регион имел транзитный характер: через него происходило достаточно активное перемещение людей (от беглых до направлявшихся из столицы в Сибирь представителей администрации). Урал был включен в состав Сибирской губернии, но уже в 1720-е гг. получил большую самостоятельность в управлении, что было вызвано нуждами горнозаводского строительства. В начале 1720-х гг. здесь создается Канцелярия горных дел, переименованная впоследствии в Сибирское Вышнее горное начальство. В 1723 г. это учреждение сменил Сибирский обер-бергamt, здание которого было размещено в пределах только что отстроенной крепости в Екатеринбурге. В 1735 г. Обер-бергamt был переименован в Канцелярию главного правления Сибирских и Казанских заводов. В конце XVIII в. город-завод оставался одним из важных административных центров региона (Побережников, 2008, с. 52–53, 90–91).

В 1735 г. наряду с переименованием Сибирского обер-бергамта произошло создание Конторы судных и земских дел (ГАСО, 1735а, л. 1). Если не принимать во внимание Канцелярию главного правления Сибирских и

Казанских заводов, этот орган власти получил широкий круг судебных полномочий. Его документы составили основу настоящего исследования. В Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) не сохранились судебные следственные материалы ведомства. До нас дошли в основном книги протоколов и журналы входящих и исходящих документов. На начальном этапе своего существования Контора работала с большими перерывами в течение года, что не позволяет сформировать более или менее полный комплекс статистических данных по фактам совершения этого вида правонарушения (ГАСО, 1736а; ГАСО, 1736б).

Несмотря на это, имеющийся корпус источников позволяет понять суть дел, рассматривавшихся в стенах данного органа власти. Книги протоколов содержат необходимые сведения о делах, разбиравшихся в течение года. Записи велись в дни работы членов присутствия в Конторе. Они содержат информацию о находившихся на службе и времени их пребывания в учреждении, краткие выписки о вынесенных приговорах, а также решения о дальнейших следственных действиях. Все приговоры сопровождалось пересказом основных этапов разбирательства, что позволяет познакомиться с содержанием большинства документов, составленных в ходе суда и следствия.

На примере уральских материалов разберемся в причинах конного воровства в Российской империи 1730-х гг.

Лошади на Урале были важны не только для крестьян, которые использовали их в сельскохозяйственных работах и для транспортировки грузов, но и для горнозаводских предприятий. На заводах животные были преимущественно задействованы в перевозках древесины, руды и другой поклажи. Кроме того, они являлись основным средством передвижения.

Активные перемещения людей между Европейской Россией и Сибирью в стремлении найти источники заработка, избежать хлебного голода, рекрутской повинности или иных бедствий создавали условия для кражи тяглого скота (ГАСО, 1738а, лл. 45–46). Ситуацию осложняли и непростые условия жизни местного населения. Жизнь вблизи заводов была связана с тяжелым трудом, необходимым для обеспечения функционирования горнозаводских комплексов. Помимо сельскохозяйственных работ приписные крестьяне обязывались трудиться на рубке дров и заготовке угля, перевозке угля, древесины, руды и металлических изделий. Работные и мастеровые люди находились на заводах и фабриках по 10–15 часов в сутки (Пензин, 1986, с. 108). Выбравшиеся от местного населения рекруты и солдаты были вынуждены не только осваивать нюансы строевой службы в выходные и праздничные дни, но и основы труда на уральских заводах в будни (Бородина, 2021, с. 39–40).

Последние чаще всего старались избежать тягот жизни, сбегая с заводов. В желании ускорить передвижение, беглые рекруты и солдаты крали лошадей у местных жителей (ГАСО, 1739, лл. 269–269об.). Так, например, поступили драгунский сын Логин Иполитов и беглый рекрут Сысой Пермьяков, которые

16 сентября 1738 г. предстали перед судом Екатеринбургской конторы судных и земских дел (ГАСО, 1738b, лл. 29). Дети солдат и драгун, проживавших в регионе, тоже не всегда желали поступать на службу. Так, например, бежали определенные казаками драгунские дети Федот Пистиков и Дмитрий Виноградов, приведенные в Екатеринбург в апреле 1739 г. (ГАСО, 1739, лл. 272–272об., 280).

Крестьяне также стремились избавиться от ненужных повинностей, бежали от тяжелой заводской работы. Например, в условиях башкирских восстаний конца 1730 – начала 1740-х гг. они, оседлав чужих лошадей, уходили из рядов ополчения, собранного для борьбы с инородцами. Таким образом поступил крестьянин Багаряцкой слободы Марк Падерин, который, «не хотя быть более в казаках», решил отравиться в «низовые Тобольские слободы», но раскаялся и тайно вернулся «в дом» (ГАСО, 1738b, лл. 237). Для организации побега с заводов крестьяне могли объединяться с мастеровыми и работными людьми, как это сделали 12 человек, бежавших с «воровскими пашпортами и лошадьми» в 1738 г. (ГАСО, 1738a, л. 81).

Схожие мотивы для бегства имели каторжные и ссыльные. Как правило, они присылались в Екатеринбург для отбывания наказания и также были задействованы на самых тяжелых работах, от которых время от времени стремились уйти (ГАСО, 1737a, л. 106). Лошади были необходимы беглецам не только для того, чтобы скрыться как можно дальше от преследований государства, но и получить средства для выживания. Бежали как индивидуально, так и небольшими группами.

Стремилась уйти от своих хозяев и дворовые люди. 8 мая 1735 г. оберцегентнер Константин Гордеев подал в Екатеринбургскую канцелярию судных и земских дел челобитную с жалобой на побег его «крепостных дворовых людей» – семьи Федосея Красильникова, состоявшей из него самого, жены, детей и внуков. В мае 1732 г. Красильниковы, не желая быть более в холопстве, отправились «в казаки» в Сакмарский городок. Они увели с собой четырех лошадей и «снесли» пожитки (ГАСО, 1735b, лл. 43–49). 5 ноября 1736 г. подал челобитную заводской комиссар Яков Бекетов. Бежавшие от него люди Иван Тарасов и Конон Силантьев украли не только 30 рублей и «пожитки», но и старого мерина (ГАСО, 1736b, лл. 15об.).

Стоит отметить, что из уральских уездов и дистриктов бежало не меньше людей, чем из Европейской части России. Среди ответчиков, проходивших по делам о конокрадстве в Екатеринбургской конторе судных и земских дел, большинство составляли местные жители. Эту ситуацию можно объяснить не только частотой побегов, но и особенностями структуры населения территории. В регионе проживал значительный процент нерусского населения, занятого кочевым скотоводством. В документах суда и следствия о конокрадах встречаются упоминания татар, башкир, мещеряков и представителей некоторых других этносоциальных групп.

Челобитные с жалобами на конокрадство подавались и русскими, и инородцами (ГАСО, 1735а, лл. 27–28; ГАСО, 1735b, лл. 31–31об., 39–39об., 56–57; ГАСО, 1737а, лл. 130–130об., 223; ГАСО, 1738а, л. 88). Несмотря на то, что у народов, занимавшихся скотоводством, отношение к краже лошадей было более спокойным, чем у русских крестьян, башкиры рассматриваемого периода стремились задерживать конных воров до приезда хозяина (Галиева, 2019, с. 14–15; ГАСО, 1735с, л. 77). В некоторых случаях они самостоятельно передавали правонарушителей региональным органам власти. В первую очередь это касалось хорошо известных в башкирских поселениях воров (ГАСО, 1735b, лл. 39–39об.). В то же время сами башкиры могли проходить в качестве ответчиков по делам о краже крупных партий лошадей (ГАСО, 1740b, лл. 145–146).

В целом анализ статистических данных показал, что крестьяне чаще всего выступали действующими лицами в судебных случаях, связанных с конокрадством, опознанием и поиском лошадей, заключением неправомερных сделок с ними. Они проходили в качестве ответчиков в 36% выявленных кейсов, а в 32% изученных судебных разбирательств были истцами. Во многих случаях социальный статус ответчиков (26,5%) и истцов (18%) не был указан. Инородцы были ответчиками в 6% случаев, а истцами – в 9,6%. Мастерские и работные люди проходили в качестве ответчиков в 3% дел, истцов – в 8,5% судебных кейсов. Прочие категории населения участвовали в подобных судебных процессах менее активно.

Следует отметить, что большинство случаев конокрадства произошло в сельской местности. Данная ситуация не является удивительной и свидетельствует о преимущественно аграрном характере российского общества. Тем не менее, среди участников судебных процессов встречаются и жители горнозаводских поселений – мастерские и работные люди, а также работники канцелярий региональных органов власти, солдаты, рекруты и другие категории военнослужащих. Они могли лишиться лошади как в городе, так и в деревне.

Обычно кража лошадей была тайной, но случались ситуации, когда лошадь отнимали вместе с другим имуществом при грабеже на дороге. Так произошло в январе 1735 г. с жителем Екатеринбургa Осипом Брюхановым. Его ограбил крестьянин Аяцкой слободы Семен Русаковский (ГАСО, 1735а, л. 48). Кроме того, лошадей воровали на базаре (ГАСО, 1739, л. 130).

Подобные случаи были, скорее, редкостью. Кравшие лошадей беглецы и другие воры стремились делать это, не привлекая к себе особого внимания. Возможностей для конокрадства было много. В ночное время лошади оказывались практически без присмотра во дворах, покотинах и конских выпусках. Они могли отбиться от стада. Часто коней «одалживали» без разрешения хозяев (ГАСО, 1735а, лл. 27–28; ГАСО, 1735с, лл. 77, 214; ГАСО, 1736а, л. 70; ГАСО, 1737а, л. 171; ГАСО, 1737b, л. 31; ГАСО, 1738а, лл. 65–66об., 69, 81об.; ГАСО, 1739, лл. 121, 140–140об., 242, 279; ГАСО, 1740b, л. 95).

В основном на конокрадстве попадались индивидуумы. Очень часто приводными были люди, получившие украденную лошадь в результате купли-продажи или мены (ГАСО, 1735b, л. 57; ГАСО, 1735с, лл. 31–31об.; ГАСО, 1739, л. 38). Как уже было отмечено выше, нередко продавцы и покупатели решали не уплачивать пошлины за сделку, не регистрируя ее, что затрудняло поиск доказательств невиновности обвиняемого (ГАСО, 1735а, лл. 27–28; ГАСО, 1738а, л. 4об.). Некоторые неоднократно замечались в конном воровстве (ГАСО, 1739, лл. 60, 245).

Наряду со случаями воровства по необходимости кражи лошадей совершались и организованными группами правонарушителей. Данные источников на этот счет скудны: в книгах протоколов содержатся лишь отрывочные сведения о подельниках, специализировавшихся на подобных преступлениях (ГАСО, 1739, л. 93об.). Приведенные в Екатеринбургскую контору судебных и земских дел подозреваемые время от времени рассказывали о подельниках (ГАСО, 1738а, лл. 53, 83). Среди них были и оказавшиеся на Урале ссыльные и каторжные, бежавшие тюремные сидельцы.

Примечательно, что воры и рецидивисты первой трети XVIII в. применяли методы и практики, использовавшиеся конокрадами второй половины XIX в. (Максимов, б.г., с. 174–177; Данчевская, 2020, с. 363–367). Конокрады распределяли роли между собой и стремились как можно быстрее перепродать или обменять лошадей. Кроме того, представители воровского сообщества могли просить деньги за возвращение «потерянной» лошади (ГАСО, 1738а, лл. 65–66об.; ГАСО, 1739, лл. 121–122). В створе с ворами бывали замечены пастухи (ГАСО, 1738а, л. 69).

Выводы

Обращение к истории такого преступления, как конокрадство в России раннего Нового времени, показательно. Анализ причин совершения преступления и сопоставление практик конокрадов в России и других странах в синхронном и диахронном разрезе позволил прийти к следующим выводам.

В отличие от ситуации в России второй половины XIX в., на Урале 1730-х гг. конокрадство встречалось как в сельской местности, так и в поселениях городского типа. Это можно объяснить сохранением значения лошадей не только для крестьян, но и для «горожан», которые, несмотря на вовлеченность в производственные процессы, занимались огородничеством и поддерживали тесные родственные отношения с жителями деревень в окрестностях. Таким образом, конное воровство еще не превратилось в преступление, характерное исключительно для сельской местности, как это было, например, в Уэльсе уже во второй трети XVIII в. (Woodward, 2009, p. 95).

Материалы делопроизводства свидетельствуют, что наряду с единичными случаями воровства лошадей в Российской империи первой трети

XVIII столетия уже существовали воры, промышленявшие конокрадством на постоянной основе. Схожие процессы наблюдались и в Уэльсе того времени. По наблюдениям Н. Вудворда, конокрадство являлось более прибыльным делом, чем другие виды имущественных преступлений (Woodward, 2009, pp. 81, 93). Данное мнение справедливо и для российских реалий. Правда, в отличие от жителей Британских островов, население Российской империи имело больше причин для совершения этого правонарушения, основной из которых была необходимость побега от заводских работ, хозяина и других видов зависимости. Как и постоянно растущая территория будущих США, обширность малоосвоенных площадей России открывала значительные возможности для того, чтобы скрыться от контроля со стороны государства (Burchill, 2013, pp. 25–26).

В целом конное воровство было достаточно распространено. Этому способствовали не только недостатки в системе контроля над перемещением лошадей, большое количество возможностей для кражи, обширные пространства страны и особенности ее социального и политического ландшафта, но и сравнительно мягкое наказание за воровство, установленное Соборным уложением 1649 г., которое так и не было пересмотрено на протяжении всего XVIII в.

Наказание за конокрадство было идентично каре за членовредительство, а также разбой и иные имущественные правонарушения. В соответствии со статьей 9 XXI главы «О розбойных и татинных делех», за совершение первого преступления следовало наказание кнутом, отрезание левого уха и тюремное заключение с отбыванием тяжелых работ на протяжении двух лет. Второй случай преступного деяния также наказывался кнутом, отрезанием правого уха и заключением на четыре года. Третье по счету правонарушение каралось смертью (Соборное уложение 1649 г., 1985, с. 231).

При должном уровне владения палача кнутом преступник мог лишиться жизни уже при первой экзекуции, но судьи, как правило, не ставили перед исполнителями приговоров такой задачи. Пытка, предназначенная для выяснения количества совершенных правонарушений, на наш взгляд, не всегда давала адекватные результаты (Коллманн, 2016, с. 194–202). Преступники могли скрыть информацию о рецидивах. Такая ситуация отличала Российскую империю от многих стран Европы и Северной Америки, где суды сразу приговаривали конокрадов к смертной казни или пожизненной работе на галерах, которую также можно приравнять к смерти (Kingston, 2003, pp. 16–17; Woodward, 2009, pp. 87, 94; Burchill, 2013, pp. 20).

В целом сложность поиска преступников вынуждала пострадавших предпринимать самостоятельные шаги для возвращения своей собственности. Они часто обращались в Екатеринбургскую контору судных и земских дел с просьбой о разрешении выехать в другие уезды для розысков потерянных лошадей и похитителей (ГАСО, 1736а, л. 70; ГАСО, 1736b, л. 86; ГАСО, 1737b, л. 6).

Органы мирского самоуправления стремились контролировать перемещения незнакомцев по своей территории, что также стало требованием государства (ГАСО, 1740а). Схожие процессы мы можем наблюдать и в других странах. Правда, в них уже в XVIII в. наряду с ночной стражей начали создаваться ассоциации, занимавшиеся борьбой с конными ворами (Woodward, 2009, pp. 82–83; Burchill, 2013, pp. 18–22).

Таким образом, ситуация с конокрадами в Российской империи 1730-х гг. имела много общих черт с ситуацией в странах Европы и Северной Америки. Тем не менее, позиция государства в области установления системы контроля над куплей-продажей и обменом лошадями и наказания за конокрадство существенно различалась. Она оказалась решающей в создании благоприятных условий жизни местных сообществ.

Список литературы

- Burchill, J. K. (2013). *Bullets, Badges, and Bridles: Horse Thieves and the Societies That Pursued Them*. Pelican Publishing.
- Hoch, S. L. (1989). *Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov*. University of Chicago Press.
- Kingston, R. E. (2003). Criminal Justice in Eighteenth-Century Bordeaux, 1715–24. In L. A. Knafla (Ed.), *Crime, Punishment, and Reform in Europe* (pp. 1–38). Praeger.
- Stuart, G. (1782). *A View of Society in Europe in Its Progress from Rudeness to Refinement, or Inquiries Concerning the History of Law, Government, and Manners*. J. Murray.
- Woodward, N. (2009). Horse-stealing in Wales, 1730–1830. *Agricultural History Review*, 57(1), 70–108.
- Worobec, C. (1987). Horse Thieves and Peasant Justice in Post-Emancipation Imperial Russia. *Journal of Social History*, 21(2), 281–293. <https://doi.org/10.1353/jsh/21.2.281>
- Ахмедов, Ч. Н. (2016а). Конокрадство и роль полицейского урядника в борьбе с ним. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3, 21–27.
- Ахмедов, Ч. Н. (2016б). Уголовно-правовая и криминологическая характеристика конокрадства в России. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 2, 10–17.
- Безгин, В. Б. (2013). Кражи в российском селе второй половины XIX – начала XX века. *Юридические исследования*, 6, 285–319. <https://doi.org/10.7256/2305-9699.2013.6.5112>
- Бородина, Е. В. (2012). Судебная реформа Петра I на Урале и в Западной Сибири. Банк культурной информации.
- Бородина, Е. В. (2021). Применение военного законодательства органами власти России в 1725–1734 гг. (На примере деятельности Сибирского обер-бергамта). *Журнал российского права*, 3, 33–48.
- В Волгоградской области задержали трех предполагаемых конокрадов. (2019). Интерфакс. <https://www.interfax.ru/russia/667579>
- В Хакасии сотрудники полиции задержали конокрадов. (2019). МВД, РФ. <https://xn--blaew.xn--plai/news/item/18378182/>

- Галиева, Ф. Г. (2017). Конокрадство как этносоциальное явление на примере Башкирии: Опыт истории в контексте современности. *Современные исследования социальных проблем*, 9(3), 178–196. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2017-3-178-196>
- Галиева Ф. Г. (2019). Обычай конокрадства в истории некоторых регионов страны. *Вестник Академии Наук РБ*, 30(1), 12–20.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1735a). Ф. 34. Оп. 1. Д. 16.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1735b). Ф. 34. Оп. 1. Д. 17.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1735c). Ф. 34. Оп. 1. Д. 18.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1736a). Ф. 34. Оп. 1. Д. 26.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1736b). Ф. 34. Оп. 1. Д. 27.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1737a). Ф. 34. Оп. 1. Д. 30.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1737b). Ф. 34. Оп. 1. Д. 31.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1738a). Ф. 34. Оп. 1. Д. 36.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1738b). Ф. 34. Оп. 1. Д. 37.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1739). Ф. 34. Оп. 1. Д. 40.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1740a). Ф. 24. Оп. 1. Д. 851.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). (1740b). Ф. 34. Оп. 1. Д. 44.
- Данчевская, А. В. (2020). О борьбе с конокрадством в Иркутской и Енисейской губерниях в конце XIX – начале XX вв. *Историко-экономические исследования*, 21(3), 357–377.
- Дубенский, Д. (1891). *Коневодство и перевозочные средства Европейской России (по официальным данным военно-конской переписи 1888 г.)*. Типография Департамента уделов.
- Ключевский, В. О. (1908). *Курс русской истории*. 3-е изд. (Часть 1). Типография Г. Лисснера и Д. Совко.
- Коллманн, Н. Ш. (2016). *Преступление и наказание в России раннего Нового времени*. Новое литературное обозрение.
- Конская перепись 1882 года*. (1884). Типография Месника и Римана.
- Лаппо, Д. Е. (1905). *Преступления и наказания по степному праву сибирских кочевых инородцев (Минусинские татары)*. Типография Енисейского губернского правления.
- Максимов, С. В. (б. д.). *Собрание сочинений* (Т. 3, Ч. II). Типо-литографическое товарищество «Просвещение».
- Маньков, А. Г. (Ред.). (1985). *Соборное уложение 1649 года. В Российское законодательство X–XX веков: В 9 томах* (Т. 3, сс. 76–446). Юридическая литература.
- Пензин, Э. А. (1986). Сибирский обер-бергамт – орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой половине XVIII в. В О. А. Васильковский (Ред.), *Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: История, историография, источниковедение: Сборник научных трудов* (сс. 104–121). УрГУ.
- Побережников, И. В. (Ред.). (2008). *Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX века*. Наука.

- Раздорский, А. И. (2012). Конские таможенные книги XVII–XVIII вв. Как источник по изучению региональной истории России. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*, 6, 167–175.
- Селин, А. А. (2016). *Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки.* Издательство «Русско-Балтийский информационный центр “Блиц”».
- Селин, А. А. (2017). *Смута на Северо-Западе в начале XVII века: Очерки из жизни новгородского общества.* Издательство «Русско-Балтийский информационный центр “Блиц”».
- Тенишев, Е. Е. (1907). *Правосудие в русском крестьянском быту.* Типография Л.И. Итина.
- Федоров, С. Г. (2013). Обычное право, самосуд и конокрадство в российской и сибирской деревнях во второй половине XIX века. *Вестник КГУ. Серия «Гуманитарные науки»*, 9(4), 77–82.
- Федоров, С. Г. (2014). Конокрадство и самосуд в системе обычного права провинциальной России во второй половине XIX века. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 3-2, 197–199.
- Чепель, А. И. (2014). «Пастухов те воры били до умертвия...»: Криминальная обстановка в шведско-русском приграничье после Столбовского мира. *Метаморфозы*, 5, 370–390.
- Янин, В. Л. (Ред.). (1984). *Русская Правда. В Российское законодательство X–XX веков: В 9 томах (Т. 1, сс. 27–132).* Юридическая литература.

References

- Akhmedov, Ch. (2016a). Horse theft and the role of a police uriadnik in the fight against it. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3, 21–27. (In Russian).
- Akhmedov, Ch. (2016b). Criminal and criminological characteristics of horse theft in Russia. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2, 10–17. (In Russian).
- Bezgin, V. B. (2013). Thefts in the Russian Village of the Second Half of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries. *Legal Studies*, 6, 285–319. <https://doi.org/10.7256/2305-9699.2013.6.5112> (In Russian).
- Borodina, E. V. (2012). *Peter the Great's Judicial Reform in the Urals and Western Siberia.* Cultural information bank. (In Russian).
- Borodina, E. V. (2021). The Application of Military Legislation by Russian Authorities in 1725–1734 (On the Example of the Activity of the Siberian Ober-bergamt). *Zhurnal rossijskogo prava*, 3, 33–48. (In Russian).
- Burchill, J. K. (2013). *Bullets, Badges, and Bridles: Horse Thieves and the Societies That Pursued Them.* Pelican Publishing.
- Chepel, A. I. (2014). “Shepherds were beaten to death by those thieves...”: The Criminal Situation in the Swedish-Russian Borderland after the Stolbovsky Peace Treaty. *Metamorfozy*, 5, 370–390. (In Russian).

- Danchevskaya, A. V. (2020). On the Struggle against Horse Stealing in the Irkutsk and Yenisei Provinces in the Late 19th and Early 20th Centuries. *Historical and economic research*, 21(3), 357–377. (In Russian).
- Dubensky, D. (1891). *Horse breeding and transportation means of European Russia (according to the official data of the military-horse census of 1888)*. Printing house of the Department of the Manor. (In Russian).
- Fedorov, S. G. (2013). Customary Law, Lynching and Horse-Rust in Russian and Siberian Villages in the Second Half of the 19th Century. *Vestnik KSU. Humanities Series*, 9(4), 77–82. (In Russian).
- Fedorov, S. G. (2014). Horse theft and lynching in the system of customary law in provincial Russia in the second half of the 19th century. *Historical, philosophical, political and legal sciences, culture and art history. Questions of theory and practice*, 3–2, 197–199. (In Russian).
- Galieva, F. G. (2017). Horse stealing as an ethno-social phenomenon in Bashkiria: Historical Experience in the Context of Modernity. *Contemporary Studies of Social Problems*, 9(3), 178–196. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2017-3-178-196> (In Russian).
- Galieva, F. G. (2019). The custom of horse stealing in the history of some regions of the country. *Bulletin of the Academy of Sciences of RB*, 30(1), 12–20. (In Russian).
- Hoch, S. L. (1989). *Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov*. University of Chicago Press.
- Horse Census of 1882*. (1884). Typography by Mesnik and Riemann. (In Russian).
- Kingston, R. E. (2003). Criminal Justice in Eighteenth-Century Bordeaux, 1715–24. In L. A. Knafla (Ed.), *Crime, Punishment, and Reform in Europe* (pp. 1–38). Praeger.
- Kluhevsky, V. O. (1908). *Course of Russian History*. 3rd ed. (Part 1). Typography of G. Lissner and D. Sovko. (In Russian).
- Kollmann, N. Sh. (2016). *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. New Literary Review. (In Russian).
- Lappo, D. E. (1905). *Crimes and penalties under the steppe law of the Siberian nomadic aliens. (Minusinsk Tatars)*. Printing house of the Yenisei provincial administration. (In Russian).
- Maksimov, S. V. (n. d.). *Collected Works* (Vol. 3, Part II). Typo-Lithographic Partnership “Prosveshhenie”. (In Russian).
- Mankov, A. G. (Ed.). (1985). *Sobornoe ulozhenie 1649 [The Sobor Code of 1649]*. In *Russian Legislation of the X-XX Centuries: In 9 Volumes* (Vol. 3, pp. 76–446). Legal Literature. (In Russian).
- Penzin, E. A. (1986). The Siberian Ober-Bergamt, a management body for the mining industry in the Urals in the first half of the 18th century. In O. A. Vaskovsky (Ed.), *Problems of Genesis and Development of Capitalism in the Urals: History, Historiography, Source Studies: Collection of Scientific Works* (pp. 104–121). UrSU. (In Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (Ed.). (2008). *Territorial and economic administration in Russia in the 18th and early 20th centuries*. Nauka. (In Russian).
- Police arrested horse thieves in Khakassia*. (2019). MVD.RF. <https://xn--blaew.xn--plai/news/item/18378182/> (In Russian).

- Razdorsky, A. I. (2012). Konya customs books of the 17th-18th centuries. As a source for studying the regional history of Russia. *Bulletin of the Russian State University of Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology*, 6, 167–175. (In Russian).
- Selin, A. A. (2016). *The Russian–Swedish border (1617–1700). Formation, functioning, heritage. Historical sketches*. Publishing house “Russian-Baltic Information Center ‘Blitz’”. (In Russian).
- Selin, A. A. (2017). *The Troubles in the Northwest in the Early Seventeenth Century: Essays on Novgorod Society*. Publishing house “Russian-Baltic Information Center ‘Blitz’”. (In Russian).
- State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1735a). F. 34. In. 1. C. 16. (In Russian).
- State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1735b). F. 34. In. 1. C. 17. (In Russian).
- State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1735c). F. 34. In. 1. C. 18. (In Russian).
- State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1736a). F. 34. In. 1. C. 26. (In Russian).
- State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1736b). F. 34. In. 1. C. 27. (In Russian).
- State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1737a). F. 34. In. 1. C. 30. (In Russian).
- State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1737b). F. 34. In. 1. C. 31. (In Russian).
- State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1738a). F. 34. In. 1. C. 36. (In Russian).
- State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1738b). F. 34. In. 1. C. 37. (In Russian).
- State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1739). F. 34. In. 1. C. 40. (In Russian).
- State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1740a). F. 24. In. 1. C. 851. (In Russian).
- State Archive of Sverdlovsk Region (SASR). (1740b). F. 34. In. 1. C. 44. (In Russian).
- Stuart, G. (1782). *A View of Society in Europe in Its Progress from Rudeness to Refinement, or Inquiries Concerning the History of Law, Government, and Manners*. J. Murray.
- Tenishev, E. E. (1907). *Justice in Russian peasant life*. Printing house of L. I. Itin. (In Russian).
- Three suspected horse thieves were detained in Volgograd Oblast. (2019). Interfaks. <https://www.interfax.ru/russia/667579> (In Russian).
- Woodward, N. (2009). Horse-stealing in Wales, 1730–1830. *Agricultural History Review*, 57(1), 70–108.
- Worobec, C. (1987). Horse Thieves and Peasant Justice in Post-Emancipation Imperial Russia. *Journal of Social History*, 21(2), 281–293. <https://doi.org/10.1353/jsh/21.2.281>
- Yanin, V. L. (Ed.). (1984). Russian Pravda. In *Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: In 9 Volumes* (Vol. 1, pp. 27–132). Legal Literature. (In Russian).